

Дубровского, говорит наличие прямых реминисценций. Таковы, например, описание неба, которое открывается человеческому взору с помощью увеличительных стекол и научной абстракции, постижение устройства и хода эветил, мысль о множестве миров:

То место, где земле простой взор назначает;
Светилу разум наш земли определяет,
Хоть солнце нам одно мечтается в глазах;
Однако их нельзя и счесть на небесах.⁷

Строка же

Не знаем их числа, и бездне той конца

бесспорно отражение проблематики и лексики «Вечернего размышления о божием величестве».

Таково вступление поэмы Дубровского, подготовляющее постановку моральных вопросов о заблуждении людей и об ослеплении их различными страстями. Такой переход очень логичен, так как во вступлении поэт показал, что же является для него стимулом высоких нравственных достоинств. Если у масонов — это страх смерти, трепет перед таинствами загробной жизни, то здесь таким стимулом является высокое предопределение человека от природы, его разум, возвышающий его над окружающим миром. Не страх смерти, а полезная деятельность должна удерживать царя природы от порочных страстей.

Какие же пороки осуждает Дубровский?

Прежде всего — алчность, стяжательство; и в осуждении их поэт следует за своим учителем, не устававшим клеймить в разных формулировках «несытую алчбу имения и власти».

Однако не этот порок привлекает основное внимание поэта, а слепая любовная страсть. Именно здесь начинается полемика с дворянской анакреонтикой. На фоне любовной поэзии, печатавшейся на страницах того же журнала, трактовка темы любви у Дубровского звучала в высшей степени целенаправленно и полемично.

Для поэтов, творивших в области легкой поэзии, всепобеждающая любовная страсть была синонимом природы, естества, выражением сущности человека. Расцвет любовного жанра в поэзии 50-х годов, появление анакреонтики в творчестве дворянских поэтов, — всё это свидетельствовало о сознательном противопоставлении любовной темы общественной теме.

Дубровский выдвигает свой критерий и утверждает, что не всякая любовная страсть похвальна и достойна воспевания. Поэта интересуют границы, в пределах которых человек свободен от рабства собственной страсти и остается на высоком пьедестале могучего разума, общественной и научной деятельности. Он высмеивает людей, посвящающих всю свою жизнь одной только любви и, кроме нее, не видящих иного смысла существования.

Идеал поэта — человек, сочетающий разум, полезную деятельность с благородными чувствами. Односторонность уродует человека, унижает его природу, особенно, когда он, забыв о талантах (т. е. о науке, знании, в которых проявляется его высшая деятельность), ослепляется страстями. Такое разумное сочетание полезной деятельности и благородных чувств выражало подлинно ломоносовский гуманизм с его высоким уважением

⁷ «Ежемесячные сочинения», 1755, август, стр. 129.